

НАТАЛЬЯ
МАСАЛЬСКАЯ

М Е Р Т В Ы Х
С Е С Т Р Ы

МОСКВА

НАТАЛЬЯ
МАСАЛЬСКАЯ

М Е Р Т В Ы Х
С Е С Т Р Ы

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М31

Масальская, Наталья Евгеньевна.

М31 Четыре мертвых сестры / Наталья Масальская. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (О маньяках-гениях. Психологический триллер).

ISBN 978-5-04-217556-5

Я не знаю, как с этим жить.

Моего отца обвиняют в том, что он жестоко убил жену и четырех дочерей соседа по даче, писателя Иволгина. Отца уже давно нет в живых, но это страшное обвинение будет всегда рвать мое сердце в клочья. «Процедура» (если убийство с расчленением можно назвать таким словом) была точной копией жуткого, почти сатанинского обряда, описанного Иволгиным в своих записях. Следователи нашли останки всех четырех сестер. У каждого тела не хватало какого-то фрагмента. Разве существо, совершившее это, можно назвать человеком? Я не верю, что это сделал мой отец...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-217556-5

© Масальская Н. Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

В подъезде темно хоть глаз выколи, опять мальчишки с четвертого этажа разбили лампочку. Я снова вставила ключ в замочную скважину. Замок старенький, часто заедает, но не сегодня. Стараюсь прогнать тревожные мысли. Вдохнула, выдохнула и снова забарабанила в обитую дерматином дверь. Тишина.

— Юля? Ты чего шумишь так поздно, случилось чего? — Из квартиры напротив, кутаясь в ворот стеганого халата, выглянула пожилая соседка.

— Здравствуйте, тетя Дусь. Папа не открывает, заперся на собачку и не открывает.

— Так, может, спит?

— Не спит. — Голос мой дрогнул, а уголки губ поползли вниз. Я снова сделала глубокий вдох.

— Ну-ну, — поспешила успокоить соседка. — Батяка-то твой мужик здоровый. Небось принял на грудь да на боковую. Не плачь, сейчас сына позову. Вовка! — крикнула она вглубь квартиры.

Через минуту позади ее маленькой шуплой фигурки появился здоровенный дядя Володя в майке и растянутых трениках.

— Что за шум, а драки нет? — весело спросил он и откусил большой кусок от бутерброда, который держал в руке.

— Да вот Юленька волнуется, Пашка дверь не открывает, — объяснила ему мать. — Да хорош уже хлеб-то таскать, окаянный, сейчас суп согреется. Иди лучше девочке пока помоги, — сказала она строго и забрала из его рук остатки недоеденного хлеба с маслом.

— Юлек, да ты не переживай, сейчас откроем.

Дядя Володя подошел к двери, оглядел дверь и покачал головой:

— Опять Веркины сорванцы лампочку разбили. Завтра зайду к ней, все выскажу. — Он забрал из моей руки ключ и вставил в замочную скважину.

— На собачку закрылся, — со слезами в голосе объяснила я.

— Так ты к нам заходи, а я пока слесаря вызову, — сказал дядя Володя и неожиданно цыкнул: — Отставить слезы!

— Я лучше тут постою, может, действительно спит.

— Ну конечно! Спит! — поддакнул он и скрылся в недрах квартиры, оставив открытой дверь — единственный источник света на тонущей в темноте лестничной клетке.

Я присела на корточки и привалилась к стене.

«И зачем ходила сегодня к Натуське? Ну что, в другой день не могли поболтать? Видела же,

папа в последние дни сам не свой. Никогда себе не прощу, если... Тьфу, тьфу, тьфу! Отставить нюни распускать!» — строго оборвал внутренний голос тоном дяди Володи.

— Так, Юлек, подвинься-ка. — Сосед поставил на плиточный пол ящик с инструментами. — Иди-ка пока чаю с матерью попей. Мать! — гаркнул он, обернувшись к открытой двери.

— Юль, и то правда, зайди, чего в подъезде стенки-то подпирать, — снова позвала соседка.

— Спасибо, тетя Дусь, я лучше тут.

— Ну, как знаешь.

— А что, слесаря нет? — поинтересовалась я, глядя, как дядя Володя пытается отжать дверь длинной отверткой.

— Да опять зенки залил. Ничего, и без него справимся, — проговорил он, кряхтя от напряжения. — Нет, тут другой инструмент нужен. Ну-ка, помоги, — всунул мне в руку фонарик, а сам достал из ящика ломик, вставил в щель между косяком и дверным полотном и надавил. Послышался хруст ломающегося дерева, и, осыпав пол щепками, дверь открылась.

— Даже замок не сломал, — оглядел он выломанный язычком ночной задвижки кусок косяка и, первым войдя внутрь, шелкнул выключателем.

— Папа! — Я в ужасе остановилась посреди зала.

Отец лежал на узком диване, выпучив остеклевшие глаза, в которых застыл ужас. Руки вытянуты по швам, а на грязной, с бурыми разводами рубашке ярко белели маленькие кружки таблеток.

— Что это? — Я невольно приблизилась еще на шаг и тут же оказалась в медвежьих объятиях соседа. — Что с ним? Почему он такой?!

— Подожди-ка, дочка, — рассеянно проговорил дядя Володя и вышел, оставив меня стоять посреди комнаты.

Осознание вдруг нагнало меня, и, рухнув на колени, я закрыла лицо ладонями. Даже несмотря на неестественную позу и ужасающую гримасу отца, я все еще надеялась, что папа жив, просто сердечный приступ, такой же, как год назад. И, глотая соленые слезы, мысленно подгоняла скорую.

— Юль. — Крепкие руки обхватили меня за плечи и рванули вверх. Закружилась голова, и, не чувствуя ног, я пошатнулась, теряя равновесие. — Пойдем на кухню, там подождем. Ну же, все будет хорошо. Скорая уже едет. — Придерживая за плечи, дядя Володя вывел меня из зала.

В коридоре послышалась возня, чьи-то голоса, и мы с соседом одновременно вскочили с табуреток.

В узкий коридорчик друг за другом вошли люди в белых халатах.

— Там, — указал рукой в зал дядя Володя.

Доктор, за ним фельдшер и медсестра прошли дальше и точно так же, как мы до этого, остановились посреди зала в недоумении.

— Вы уже таким его нашли? — обратился врач к дяде Володе.

— Мы здесь ничего не трогали, — кивнул тот. — У него больное сердце, инфаркт в прошлом году перенес.

— Отстучало, — прощупав пульс и проверив реакцию зрачков, с холодной прямолинейностью констатировал врач. — Время смерти, — он посмотрел на наручные часы, — примерно час назад: двадцать один десять. Плюс-минус пятнадцать минут.

— Почему смерти? — дрожа всем телом, прошептала я сквозь слезы. Горло сдавило спазмом, я задыхалась, хватая воздух ртом. — Какой смерти?!

— Дочь? — послышался равнодушный голос доктора. — Уберите ее, не надо ей здесь находиться.

И комнату, и врачей — все заслонила пахнувшая табаком грудь соседа. Он втащил меня на кухню и снова усадил на табурет. Истерика прекратилась не сразу, а потом наступило оцепенение, холодное, тяжелое, сквозь которое я слышала людские голоса, шорох шагов, мелькание лиц.

— ...застарелые следы крови и грунт. Скорее всего, известняк... — прорвался сквозь туман в голове мужской голос.

Пошатываясь, я поднялась на ноги и направилась в зал. В углу у окна, безмолвно шевеля губами, едва заметно крестилась тетя Дуся. На корточках у дивана сидел криминалист в белых медицинских перчатках. Я старалась не смотреть на отца. Борясь с тем, чтобы вновь не расплакаться, и с тошнотой, я вслушивалась в слова мужчин.

— С чего так решил? — спросил коренастый милиционер с широким восточным лицом и сле-

лал запись в блокноте. Криминалиста я видела впервые, а молодой следователь был мне знаком. Папа работал с ним по нескольким делам. Фамилия у него какая-то нерусская. Ахмедов?.. Нет, вспомнила я, Мамедов.

— Похоже на обломок ракушки. Совсем недавно я видел точно такой же. Точнее скажу в лаборатории.

— Это то, о чем я думаю? — спросил его следователь и подошел ближе, еще сильнее сощурив раскосые глаза.

— Пока рано говорить, но... — Криминалист многозначительно посмотрел на Мамедова и не стал продолжать.

— Еще на рубашке найден волос. Женский. — Он заметил меня и, кивнув следователю, убрал волос в один из мешочков для сбора улик.

Волос был длинный и темный, точно не мой, у меня уже полгода каре. Да и по цвету не подходит. Я блондинка, а волос явно принадлежал брюнетке. Неужели здесь была женщина?

— Иванихин, — тут же окликнул следователь. — Уведи девушку!

— Ты как? — спросил дядя Володя, подходя ко мне, и, обняв меня за плечи, попытался вывести из комнаты.

— Нормально, — просипела я. — Почему здесь милиция? Что они делают?

— Твой отец из бывших. Они должны убедить-ся, что... — Он на мгновение замолчал, виновато глядя мне в глаза. — Что твоему папе никто не навредил. Понимаешь?

— Думаешь, кто-то желал ему смерти? За что? — Голос провалился в образовавшуюся в груди пустоту, горло снова свело судорогой, и я отвернулась, пытаюсь успокоиться.

Сосед вывел меня в коридор.

— Пойдем, посидишь пока у нас.

Я считала своим долгом остаться и разобраться в случившемся, но, чувствуя себя совершенно разбитой, малодушно поддаюсь уговорам. Когда мы вышли из квартиры, я почувствовала облегчение. Наверное, это ужасно — я плохая дочь...

* * *

На следующий день я встала ближе к обеду. В институт, конечно, опоздала, но этот факт тревожил меня меньше всего. Я снова вспомнила вчерашний вечер, и горе с новой силой обрушилось на меня, усиливая головную боль. Тяжело поднялась с постели и поплелась на кухню, откуда доносился аромат супа с фрикадельками.

— Проснулась? — повернулась ко мне тетя Дуся. — Садись, сейчас обедать будем.

— Спасибо, — кутаясь в кофту, сипло ответила я. Аппетита совсем не было.

— Садись, садись, надо поесть, — захлопотала она у плиты, наливая в тарелку горячий суп.

Это обычное проявление человеческого тепла и заботы диссонировало с холодной пустотой у меня внутри и вызывало апатию. Я отказывалась верить, что папы больше нет.

Чтобы не обижать хозяйку, съела пару ложек супа, совершенно не ощущая вкуса.

Тут в прихожей щелкнул замок, и в кухне появился дядя Володя в милицейской форме.

Выражение его лица было виновато-встревоженным, будто он что-то знал о смерти папы, но не хотел говорить.

— Ты что-то узнал?

Под внимательным взглядом матери он сел напротив, придвинул к себе тарелку и принялся неспешно ломать в бульон мягкий хлебный мякиш.

— Пожалуйста, не молчи! — взмолилась я.

— Твой отец умер от сердечного приступа, — не поднимая на меня глаз, ответил дядя Володя и стал неспешно есть суп, загребая в ложку вместе с бульоном размокшие хлебные кусочки. — Крепись, Юль, тебе все же нужно будет завтра с утра к следователю зайти.

Он выглядел угнетенным, но это была не скорбь, как у меня, а чувство вины, словно оно грызло его изнутри, не давая смотреть мне в глаза.

— Если сердце, зачем в милицию? — выдавила я, охваченная непонятым предчувствием. И, вторя моей тревоге, у окна тихо запричитала тетя Дуся.

— Мать, оставь-ка нас. Мне надо с Юлей поговорить, — сказал Иванихин, и старушка, покачивая головой, вышла из кухни.

— Юль, я сам ничего не знаю. Следователь тебе все объяснит, — начал дядя Володя.

— Все — это что? — не унималась я. Эти недомолвки пугали меня больше, чем правда, которую он боялся сказать. — Это все из-за его позы

и рубашки? Ты тоже считаешь, что он умер от сердечного приступа?

— Заключение судмедэксперта — сердце. Почему я должен в нем сомневаться?

— Потому что в такой позе и с таким лицом не умирают от сердечного приступа! — в сердцах выпалила я. — Его так кто-то положил. А рубашка? Я видела, на ней нашли женский волос. Он что, был не один?

— Эй, стоп, стоп! — Дядя Володя поднял руки, останавливая шквал моих вопросов. — Я сам знаю не больше тебя. Но... — Он вдруг замолчал.

— Но?..

— Ты права, на рубашке нашли женский волос и кровь, об этом и хотел расспросить тебя следователь. Мамедов, помнишь его? Отец твой с ним пару раз работал, пока из органов не ушел.

— Скажи честно, что ты об этом думаешь?

— У твоего папки было слабое сердце, и лезть тебе в это дело точно не надо, вот что я думаю.

— Да всем просто наплевать, вот и все! — бросила я ему в лицо и выбежала из кухни.

Я стояла у открытого окна, молча глядя на улицу. На веревках сушились простыни, надуваясь цветастыми парусами на ветру, ребятня играла в салочки, а воробьи устроили драку за четвертинку булки. Вся эта картина, которая обычно вызывала интерес и умиление, сейчас не трогала меня, будто мой мир сжался в твердый комок боли в груди.

— Юль, ты чего?

— Простите, я не должна была так говорить. На самом деле я так не думаю. Просто мне плохо. Паршиво от осознания того, что для всех это просто еще одна смерть, а для меня — рухнула целая вселенная. Кажется, что с меня кожу живьем содрали.

— Я понимаю. — Дядя Володя подошел ближе и положил свои огромные ручки мне на плечи. — Но ты не одна.

— Спасибо. — Я похлопала его по руке и развернулась, чтобы выйти. — Пойду домой. Спасибо, что приютили.

— Юль, следствие не закончено, квартира опечатана. Не дури, оставайся.

— Опечатана? Почему? Ты же сказал, он умер от сердечного приступа, — развернулась я.

— Ты сама сказала, что в такой позе не умирают от сердечного приступа. Видимо, у следователя тоже появились сомнения.

Я видела, что сосед чего-то недоговаривает, но промолчала.

— Спасибо, дядя Володь, со мной все в порядке. Переночую у подружки. Я могу кое-что забрать из квартиры?

— Конечно. Пойдем.

Глава 2

— Ох, Юлька, как же я тебе сочувствую...

Натуся сидела с ногами в кресле, грея ладони о бока теплой чашки с чаем, и так же, как